

DOI 10.37279/2413-1741-2020-6-3-30-43

УДК 94 (37+38)/82–7

«СМЕХАЧ» И ЖЕНСКИЙ ВОПРОС: ШУТКИ О ЖЕНЩИНАХ И С УЧАСТИЕМ ЖЕНЩИН В СБОРНИКЕ «ΦΙΛΟΓΕΛΩΣ»

Лейбенсон Ю. Т.

**ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: BeyleGamarnik@yandex.ru**

В статье рассмотрены шутки сборника анекдотов II–IV вв. «Φιλόγελος», которые, так или иначе, касаются женских персонажей. Часть рассмотренных анекдотов не является непосредственно шутками о женщинах и их повадках. Напротив, в них показано нормативное женское поведение на фоне экстравагантных выходов главных героев анекдотов – схоластика, остряка, пьяницы, женоненавистника. Однако несколько шуток сборника «Φιλόγελος» непосредственно высмеивают женские пороки. Ими оказываются: сварливость и буйный нрав, похотливость и супружеская неверность. Констатируется, что, в целом, этот список женских пороков значительно короче, нежели перечня женских качеств, которые высмеивала древняя и средняя аттическая комедия. Ряд античных анекдотов сборника «Φιλόγελος» публикуется в переводе на русский язык впервые.

Ключевые слова: античный юмор, женщина в античности, сборник «Φιλόγελος».

В свое время автору этой статьи посчастливилось слушать курсы «История Древней Греции и Рима», «Античная литература» и «Феномен античной цивилизации», которые читала Элеонора Борисовна Петрова. Особенное впечатление на слушателя произвело то, насколько блестяще лектору удавалось сочетать строгость классического подхода к изучению античности с подходами новыми: историей повседневности, гендерной историей, исторической психологией. Под впечатлением от лекций Элеоноры Борисовны автор, тогда еще совсем «зеленый» студент, побежал в читальный зал университетской библиотеки и стал с упоением вчитываться в переводы «женских комедий» Аристофана... О, сколько чудных открытий ждало его в этих текстах (при том, что русские переводы сильно смягчают Аристофана)! Это была совсем не «эрмитажная», белокаменная, застывшая античность, но живой и пестрый мир с его своеобразным юмором и специфическими взглядами на жизнь.

В качестве скромной, но искренней благодарности Элеоноре Борисовне за ее лекции и живой интерес к подлинной античности, который они неизменно вызывали, автор приносит этот небольшой текст, посвященный древнегреческим анекдотам о женщинах.

Античная литература, конечно, знала образцы женской добродетели. Однако, пожалуй, женские пороки волновали ее гораздо больше. Дидактические размышления Гесиода (Op. et Dies 373–375; Theog. 591–601) и Семонида Аморгского о зловредности

женщин¹ (Semonid. Frgm. 6 (7)) со временем сменились рекомендациями Ксенофонта по строгой ежедневной дрессуре юной бестолковой жены, только что пришедшей в дом мужа (Xen. Oeconom. 7–10). В тот промежуток времени, который прошел между увещаниями Гесиода ничего не доверять жене и советами Ксенофонта постараться натаскать жену на ведение домашнего хозяйства, успела появиться блистательная древнегреческая комедия – и в ней о женщинах стало возможным говорить совершенно иным языком. Этот язык шутки, подчас весьма злой, был не менее убедительным, нежели сетования авторов архаики или зловещие женские образы, которые рисовали трагические драматурги в «Медее» и «Агамемноне».

Древняя комедия буквально живого места не оставила на теле «женского вопроса». Аристофан высмеивал женщин за их пристрастие к вину (Ekkles. 132–146, 227; Lys. 113–115, 198–207, 406; Thesmoph. 556–557, 690–761; Frgm. 270(364), 290 (487)), чревоугодие (Lys. 36; Ekkles. 226), супружескую неверность и сладострастие (Ekkles. 225, 877–1111; Lys. 24–28, 130–136, 715–768; Thesmoph. 339–347, 478–501; Frgm. 244 (191), 264 (9), 345 (592)), любовь к нарядам и украшениям (Lys. 42–45; Frgm. 274 (332), 275 (337)), болтливость (Ekkles. 120), хитрость и обман (Ekkles. 237–38; Lys. 744–757; Thesmoph. 407–409, 501–513, 558–559, 564–566). В довершение всего, женщины признавались лучшим автором древней комедии существами, имеющими слабый разум (Lys. 708–709), при этом способными на преступную жестокость (Thesmoph. 560–563).

Женское пьянство выступало и в качестве довеска к другим порокам, и как самостоятельный объект насмешек – равно постыдный и уморительный. Старуха-пьяница была типичным персонажем древней комедии. Аристофан обвинял коллегу по цеху Евполида в плагиате: тот украл сюжет «Всадников» и состряпал свою комедию «Марикант», добавив в нее для пущего смеха пьяную старуху² (Aristoph. Nub. 553–555).

¹ Пусть у Семонида рассуждения о женщинах и не лишены некоторого комического эффекта (современному читателю трудно не рассматривать его образы как сатиру), но основной мотив поэта вполне серьезен, даже трагичен: так много женщин, похожих на ленивых, прожорливых и похотливых животных, и так мало женщин, подобных трудолюбивой пчеле! Вывод: большинство женщин представляют собою чистое зло, созданное Зевсом на погибель несчастным мужьям.

² Позднее в эллинистической эпиграмме пьяная старуха была выведена под нарицательным именем Марониды, то есть дочери Марона – жреца Аполлона, сына или кормильца Диониса, подарившего Одиссею мех с вином:

*Прах Марониды здесь, любившей выпивать
Старухи был зарыт. И на гробу ее
Лежит знакомый всем бокал аттический;
Тоскует и в земле старуха; ей не жаль
Ни мужа, ни детей в нужде оставленных,
А грустно оттого, что винный кубок пуст*

(Леонид Тарентский, III в. до н.э., Anth. Gr. VII. 455; пер. Л. Блуменау) [3, с. 142–143].

*Это надгробье седой Марониды, и сам ты, конечно,
Видишь из камня сосуд здесь на могиле ее.
Ведь подруге вина и болтунье и деток не жалко;
Дела ей нет до отца осиротевших детей.
Даже в могиле рыдает она о любимом сосуде –
Нет в нем ни капли вина; пуст он на стеле стоит*

(Антипатр Сидонский, II в. до н.э., Anth. Gr. VII. 353. Пер. Ю. Шульц) [3, с. 200].

Что касается сохранившихся фрагментов средней комедии, примечателен отрывок из «Фрасона» Алексиды, где муж укоряет жену за болтливость (Athen. Deipn. IV. 133c). Инвектива, обращенная в адрес зловерных жен, сохранилась также во фрагменте алексидовых «Прорицателей»: мужья живут в собственных домах как рабы женщин, подвергаются обидам, страдают от женской холодности, глупости и бесхозяйственности (Athen. Deipn. XIII. 558f). В «Равновесии» Алексид рассказывал, какими средствами украшают себя гетеры, водя за нос влюбленных в искусственную красоту (Athen. Deipn. XIII. 568a–d). Женской любви к вину были посвящены «Вакханки», «Мистиды» и «Пронзенная копьем» Антифана, «Танцовщица» и «Дважды горящий» Алексиды, «Пятиборье» Ксенарха, «Филинна» Аксионика (Athen. Deipn. X. 441c–442a).

Однако в новой комедии смех над женщинами и их пороками стихает. У Менандра все женские персонажи сплошь добродетельны и являются лишь жертвами трагических обстоятельств. Имеются, впрочем, реплики отдельных героев, например, о разнузданном образе жизни гетер (их осуждает добропорядочный хозяин в «Самиянках» – Men. Sam. 179–184) и о том, что женское воспитание развращает девочек, в отличие от воспитания мужского (так считает богатый юноша, влюбившийся в дочь Брюзги – Men. Mis. 384–389). К тому же, по свидетельству Афиня, в своих комедиях «Сжигаемая» и «Аррефора» или «Флейтистка» Менандр замечал устами героев, что женатый человек подобен умершему (Athen. Deipn. XIII. 559d). Однако подобные рассуждения высказывались его героями в качестве общих мест и к высмеиванию конкретных героинь или женских типов, насколько можно судить, не относились.

Это не значит, что с конца IV в. до н.э. над женщинами больше никто не будет смеяться. Женскому сластолюбию и ревности полностью посвящена «Ревнивица» Герода, а желанию во что бы то ни стало принарядиться – «Башмачник». И у поздних авторов женские слабости не обойдены – достаточно вспомнить хлесткую сатиру на женскую праздность и погоню за красотой в диалоге Лукиана «Две любви» (Luc. Amor. 39–43).

Шутки о представительницах прекрасной половины человечества из литературы и фольклора проникали и в сборники анекдотов. Такие сборники существовали, по свидетельству Афиня, еще со времени Филиппа Македонского, щедро вознаградившего афинских шутников, чтобы те записывали свои шутки и посылали ему (Athen. Deipn. XIV. 614d–t).

Но сохранился лишь один из подобных сборников – «Φιλόγελος» («Любитель посмеяться» или «Смехач»). Он бы составлен предположительно в II–IV вв. и неоднократно переписывался в средние века (известен «Филогелос» как раз из трех византийских рукописей). Авторами назывались Гиерокл и Филагрий, однако их невозможно надежно соотнести с известными позднеантичными писателями [8, с. 297; 16, р. 27–30; 19, с. 11–15]. Среди 265 шуток, вошедших в сборник, есть более тридцати сюжетов с женскими характерами. Справедливости ради, стоит сказать, что женщины в «Филогелосе» не выступают в качестве главных героев, однако «женский вопрос» все же «смехачом» не обойден. И в этом отношении сборник

«Филогелос» оказывается интересен, в том числе, как источник, фрагментарно отражающий позднеантичный быт, семейные отношения и нравы.

Предварительно следует сказать о центральных персонажах сборника – характерах, которые фигурируют в качестве героев шуток наиболее часто. Прежде всего, это *σχολαστικός* – буквально, схоластик. Он появляется в наибольшем количестве анекдотов – в 111 из 265. Отличительная черта схоластика – стремление во всем следовать разуму, логике, понимаемым предельно буквалистски. Значения слов схоластик понимает исключительно прямые: услышав, что к нему приходит старость, герой бежит к городским воротам, чтобы встретить ее (Philog. №43¹). Об этике его представления также крайне негибки: встретив школьного учителя своего умершего сына, схоластик приносит ему извинения за то, что ребенок не пришел в школу по причине смерти (Philog. №77). При этом он доверяет авторитетным мнениям, науке, эксперименту: услышав, что ворон живет больше двухсот лет, он покупает птицу и кормит ее, чтобы проверить этот факт (Philog. №257). Как видно, *σχολαστικός* – персонаж весьма своеобразный. Само это слово понимается переводчиками и комментаторами по-разному. В русском переводе² схоластик представлен как «педант». «Pedant» он и в английском переводе Ч. К. Бабба 1920 г. [12]. Также предлагались переводы «professor», «intellectual» и даже «idiot» (последнее – в английском переводе Д. Кромптона и в переводе Р. М. Т. Перейра на португальский язык) [16, р. 19–21; 13; 14; 15, р. 17]. Наиболее удачным все же представляется подход, который применили в начале XX в. и в его конце переводчики на немецкий и новогреческий языки. Ими «схоластик» не был переведен или заменен на то, что может показаться эквивалентом, а просто заключен в кавычки (соответственно, «Scholasticus» и «σχολαστικός») и сопровождается необходимыми комментариями [17, р. 458–466; 19, σ. 117]. Это решение особенно хорошо тем, что полное соответствие слову *σχολαστικός* в современных языках трудно найти. Разумеется, он похож на «egghead», «чокнутого профессора», однако его возраст, статус и обстоятельства жизни никак не увязываются с этим героем нового и новейшего времени. Да, схоластик «Филогелоса» – человек, живущий в окружении книг (№№8, 16, 17, 44b, 55), а в нескольких анекдотах он выступает как преподаватель (№№61, 79 – притом в начальной школе). Но чаще он ученик (№№67, 68, 87, 91). Схоластик может быть врачом (№3), кредитором (№50). В одном анекдоте сообщается, что он софист (№90). Он чаще молод, но иногда у него уже есть свои маленькие дети (№№33, 57, 77, 95). Кроме того, схоластик, оставаясь полноправным гражданином своего полиса, владеет земельным участком и участвует в военных действиях (№№51, 82, 84). Основная отличительная черта схоластика – это не образованность, а своеобразный способ мышления, некоторая «узколобость» при несомненном наличии ума. Если же переводить *σχολαστικός* как «узколобый» или «заучка» – это, несомненно, убьет на корню весь комический эффект. Предложенный

¹ Нумерация дается по изданию: Φιλόγελος ἐκ τοῦ Ἰεροκλεοῦς καὶ Φιλαγρίου Γραμματικῶν / μετ. Μ. Αρβανίτη. Αθήνα, 1999 [19].

² Сегодня мы располагаем только переводами М. Л. Гаспарова, издавшего 63 анекдота [2, с. 348–350; 8, с. 297–302].

М. Л. Гаспаровым «педант» семантически очень хорош, однако слишком осовременивает схоластика, делая его героем рассказов начала XX века. Поэтому в данной статье в цитируемых переводах М. Л. Гаспарова схоластик будет оставаться «педантом», в авторских же переводах и пересказах шуток «Филогелоса» он останется самим собой – ведь о том, что это за персонаж, сказано достаточно.

В данном случае схоластик интересен нам тем, что среди его окружения есть женщины, и им также приходится быть героями смешных ситуаций, которыми богата жизнь этого персонажа.

Часто встречаются в качестве героев «Филогелоса» жители Абдеры (во Фракии), Ким (в Малой Азии) и Сидона (в Ливане) – городов, «имеющих славу нашего Пошехонья» [8, с. 297]. Абдериты, кимейцы и сидоняне выступают в анекдотах как предельно глупые люди. Впрочем, их глупость часто носит тот же характер, что и «педантичность» схоластика. О причинах появления такого литературного штампа можно лишь догадываться. Если Абдеры «прославились» как отечество философа Демокрита, не признавшего гения, а Кимы могли быть обязаны статусу «города дураков» из-за того, что не брали пошлин с приплывающих торговых судов (как будто не знали, что в городе есть море), то «славу» Сидона в этом отношении объяснить трудно [2, с. 349]. В любом случае, в упомянутых городах жили и женщины, которым приходилось взаимодействовать с типичными (по мнению авторов шуток) абдеритами, кимейцами и сидонянами.

Меньшее количество анекдотов «Филогелоса» посвящено другим персонажам, однако женщинам приходится в них быть женами, подругами, родственницами или просто собеседницами таких типов как остряк¹, ненасытный человек², пьяница, хвастун, астролог, предсказатель, человек с плохим запахом изо рта и, наконец, женоненавистник.

Повторимся, женщины «Филогелоса» практически никогда не являются главными героями шуток, притом даже грамматически. То, что на русский язык можно перевести как «в одного юношу-трагического актера были влюблены две женщины» (№241, этот анекдот будет приведен ниже), на древнегреческом выглядит как *νεανίσκος τραγῳδὸς ἠγαπήθη ὑπὸ γυναικῶν δύο*, – то есть, буквально «юноша-трагик был любим двумя женщинами». И по финальной реплике персонажа мы видим, что именно юноша является главным действующим лицом, а женщины – скорее, «обстановка». Однако и эта «обстановка» знакомит нас с женским миром поздней античности.

Этот мир, в общем, выглядит не так вызывающе, как в дионисийских комедиях Аристофана с их откровенными шутками, сюжетной и лексической разнузданностью. Скорее, он близок к реальному быту, где женщины не захватывают Акрополь, не руководят народным собранием, а выполняют одну из ролей, предложенных им еще Демосфеном: роль жены, матери и рачительной

¹ *Εὐτράπελος* – «шут» по М. Л. Гаспарову [8, с. 297]. Этот перевод, при всей его емкости, не представляется идеальным. «Шут» отсылает читателя к определенному образу жизни, даже профессии. Однако из текста мы видим, что *εὐτράπελος* может быть, например, мелким торговцем (№145).

² *Λιμώζηρος* – «обжора» по М. Л. Гаспарову [8, с. 297]; или же «вечно голодный».

хозяйки, роль подруги-гетеры или роль рабыни, безропотно сносящей любую прихоть хозяина (Dem. LIX. 123).

Именно такие «нормативные» женщины появляются в тех анекдотах сборника, где смеются вовсе не над ними и их слабостями, а, напротив, над мужскими типами. В «Филогелосе» мы видим обычных матерей, чье поведение не является сколь-нибудь отклоняющимся. Одна из таких матерей скорбит об умершем сыне-подростке, соучеником которого оказывается схоластик:

Σχολαστικὸς ἀποθανόντος συμφοιτητοῦ ἐπεσκέπτετο τοὺς γονέας. τοῦ δὲ πατρός αὐτοῦ ὀδυρομένου καὶ λέγοντος· Τέκνον, ἠπόρησάς με – τῆς δὲ μητρὸς λεγούσης· Τέκνον, ἐτύφλωσάς με – ὁ σχολαστικὸς πρὸς τοὺς ἐταίρους εἶπεν· Εἰ ταῦτα αὐτῷ πέπρακται, ἐχρήν αὐτὸν καὶ ζῶντα καυθῆναι.

Схоластик посетил родителей умершего школьного товарища. Отец того, причитая, говорил: «Дитя, ты оставил меня в несчастье!». Мать же восклицала: «Дитя, ты лишил мои глаза света!» (буквально: ты меня ослепил). Схоластик сказал своим товарищам: «Если он это сделал, то его и живьем стоило сжечь» (№69).

Матери, появляющиеся в тексте сборника шуток, пекутся о здоровье и судьбе своих детей. Для этого они обращаются к прорицателям – что, в общем, тоже совершенно нормально для эпохи:

Δύσκολος ἀστρολόγος παιδὸς νοσηροῦ γένεσιν λέγων, πολυχρόνιον αὐτὸν τῇ μητρὶ. ὡς ἐπαγγεϊλάμενος ἤτει τὸν μισθόν. τῆς δὲ εἰπούσης· Ἐλθόντι σοι αὔριον δώσω – ἔφη· Τί οὖν, εἰάν τὴν νύκτα ἀποθάνῃ καὶ ἐγὼ τὸν μισθὸν ἀπόλλω;

Ворчун-астролог, составив гороскоп больного мальчика, пообещал его матери, что ребенок будет жить очень долго, и потребовал с нее платы. Она сказала: «Приходите завтра, заплачу». Он возразил: «Как, а если ребенок ночью умрет, и я останусь без денег?» (№189, пер. М. Л. Гаспарова).

Ἀφύης μαθηματικὸς παιδίου γένεσιν λέγων εἶπεν· Οὗτος ἔσται ῥήτωρ, εἶτα ἑπαρχος, εἶτα ἡγεμών. τεθνηκότος οὖν τοῦ παιδὸς τούτου ἡ μήτηρ ἀπαντήσασα εἶπεν· Ὅν ἔλεγες ῥήτορα ἔσεοθα καὶ ἄρχοντα καὶ ἡγεμόνα, ἀπέθανεν. ὁ δὲ ἔφη· Μὰ τὴν αὐτοῦ μνήμην, εἰάν ἔζησε, πάντα ταῦτα ἂν ἐγένετο.

Глупый прорицатель, составив гороскоп ребенка, сказал: «Он будет оратором, потом наместником, потом императором». Ребенок умер, и его мать потребовала денег назад, заявляя: «Тот, кому ты сулил быть оратором, правителем, императором, – умер». Тот ответил: «Клянусь его памятью, если бы он не умер, так бы оно и было» (№204, пер. М. Л. Гаспарова).

Матерям и другим кровным родственницам главных героев приходится терпеть их эксцентричные выходки. И здесь они остаются примерными греческими женщинами, безропотно сносящими безумства своих родных – по крайней мере, в текстах шуток они остаются безответными:

Ἀβδηρίτης τὸν πατέρα τελευτήσαντα κατὰ τὸν νόμον καύσας, δραμῶν εἰς τὴν οἰκίαν πρὸς τὴν μητέρα αὐτοῦ νοσοῦσαν εἶπεν· Ὀλίγα ἔτι περιττεύει ζύλα εἰάν οὖν βούλῃ καὶ δύνασαι, τοῖς αὐτοῖς κατακαύθητι.

Абдерит сжигал по обычаю своего умершего отца. Прибежав домой, он обратился к своей больной матери: «Еще немного дров осталось. Если желаешь, можешь сгореть вместе с ними» (№123).

Σχολαστικός νυκτός ἐπανεστή τῆ μάμμη αὐτοῦ. πληγὰς δὲ διὰ τοῦτο ὑπὸ τοῦ πατρὸς λαβών. Σύ, εἶπεν, τοσοῦτος χρόνος ἐστὶν ἐξ οὗ τὴν μητέρα μου ὀχεύεις, μηδὲν ὑπ' ἐμοῦ παθών, καὶ νῦν ὀργίζῃ ἐπὶ τῆ μητρὶ σου ἅπαξ με εὐρών;

Педант ночью встал и полез к своей бабке; отец его за это отколотил. Педант сказал: «Сколько времени ты сам с моей матерью спишь, и я тебе слова не сказал, а стоило мне один раз лечь с твоей, и ты уже сердиться» (№45, пер. М. Л. Гаспарова).

Мужчины-герои «Филогелоса», надо сказать, далеко не всегда ведут себя столь скандально. Да и сама семья кажется им абсолютно естественной и всеобщей формой человеческого общежития:

Ἀβδηρίτης εὐνοῦχον ἰδὼν γυναικὶ ὁμιλοῦντα ἠρώτα ἄλλον, εἰ ἄρα γυνὴ αὐτοῦ ἐστὶ. τοῦ δὲ εἰπόντος εὐνοῦχον γυναῖκα ἔχειν μὴ δύνασθαι ἔφη· Οὐκοῦν θυγάτηρ αὐτοῦ ἐστὶν.

Абдерит увидел евнуха, разговаривавшего с женщиной, и спросил соседа, не жена ли это евнуха. Тот ответил, что евнух не может иметь жену. «Значит, это его дочь», – сказал абдерит (№115, пер. М. Л. Гаспарова).

К слову, примерные, «нормативные» незамужние девушки, дочери героев в «Филогелосе» тоже упоминаются. Как и следует ожидать, они достаточно стыдливы, чтобы не действовать в тексте шуток самим, а лишь служить предметом брачной сделки или случайно «попадать в объектив» главного героя (напротив, мальчишки «Филогелоса», сыновья центральных персонажей, очень активны: они бегают по двору, играют в мяч, изображают гладиаторов):

Εὐτράπελος ἰδὼν ἰατρὸν κόρην ὑπαλείφοντα ἔφη· Ὅρα, νεανίακε, μὴ τὴν ὄψιν θεραπεύων τὴν κόρην διαφθείρῃς.

Остряк увидел, как врач накладывает мазь на глаз цветущей девушке, и сказал: «Смотри, молодой человек, как бы тебе, врачуя глаз, не навредить девушке!» (№152).

Помимо «нравственного» понимания анекдота, здесь следует иметь в виду игру слов: *κόρη* – это не только «девушка», но и «глаз», «зрачок». Таким образом, послание остряка оказывается двойным: «врачуя глаз, не повреди зрачок» и «врачуя глаз, не навреди самой девушке».

Λιμόξηρος λιμοξήρῳ θυγατέρα ἐκδίδους καὶ ἐρωτώμενος, τί αὐτῇ δίδωσιν εἰς προῖκα· Οἰκίαν, ἔφη, δίδωμι, ἧς αἱ θυρίδες εἰς τὸ ἀρτοκοπεῖον βλέπουσιν.

Вечно голодный выдавал свою дочь за такого же. На вопрос, что он даст ей в приданное, ответил: «Я даю дом, окна которого смотрят на пекарню» (№221).

Тема свадьбы еще раз появляется в сборнике – брачный пир очень нравится герою:

Σχολαστικός ἐν γάμοις ἐστιαθεὶς εἶτα ἀναχωρῶν Εὐχομαι, εἶπεν, εὐτυχῶς καὶ ἀεὶ ταῦτα ὑμᾶς ποιεῖν.

Схоластик, пировавший на свадьбе, уходя, сказал: «Желаю вам быть счастливыми и праздновать свадьбу снова и снова» (№ 72).

Однако самое интересное, конечно, начинается после свадьбы. Не меньше, чем матери, жены типичных героев «Филогелоса» вынуждены мириться с их характерами и остротами. Как правило, жены остаются примерными и безответными:

Μισογύναιος στας ἐν τῇ ἀγορᾷ ἔλεγε· Πωλῶ μου τὴν γυναῖκα ἀτελώνητον. τινῶν δὲ εἰπόντων· Διὰ τί; εἶπεν· Ἵνα στερέσιμος γένηται.

Женоненавистник, стоя на агоре, возглашал: «Продаю жену без пошрины!». Спрашивавшим, отчего он так делает, отвечал: «Чтобы ее могли конфисковать¹» (№ 248).

Μισογύναιος νοσήσας ἐν ἀπογνώσει, τῆς δὲ γυναικὸς αὐτῷ εἰπούσης· Ἐάν τι πάθῃς, ἀπάξσομαι – ἀναβλέψας πρὸς αὐτὴν εἶπε· Ζῶντί μοι τοῦτο χάρισαί.

Женоненавистник безнадежно заболел. Жена сказала ему: «Если с тобой что-то случится, я удавлюсь». Он поднял на нее глаза и проговорил: «Доставь мне это удовольствие, пока я жив» (№ 250).

Εὐτράπελος ἀποδημήσας καὶ κηλίτης γενόμενος, ἐπανελθὼν ἠρωτᾶτο <ὕπὸ τῆς γυναικός>, τί ἤγαγεν. ὁ δὲ· Σοὶ μὲν, εἶπεν, οὐδέν, τοῖς δὲ μηροῖς σου προσκεφαλᾶδιον.

Остряк был в отъезде и у него вышла грыжа. Когда он вернулся, жена спросила, что тот привез. Остряк ответил: «Тебе ничего, а твоим бедрам – подушку» (№264).

Полное послушание жены мужу декларировалось в античном обществе как норма, но при этом допускалось, что в конкретных случаях дела могут обстоять совершенно иначе. Это положение вещей блестяще отражено в одной шутке «Филогелоса», где только что женившийся молодой человек очень хочет показать себя настоящим главой семьи. Он так старается казаться патриархом, что в итоге говорит совершенную глупость:

Νεανίσκος ἐρωτηθεὶς, <εἰ> ὑπὸ τῆς γυναικὸς αὐτοῦ κελεύεται ἢ πείθεται αὐτῷ ἐκείνη πάντα, ἐναβρυνόμενος ἔφη· Οὕτως με φοβεῖται ἢ γυνὴ μου· ἐὰν χάνω, χέζει.

У юноши спросили, командует им жена или во всем ему повинуются. Он, красуясь, сказал: «Жена меня так боится, что, стоит мне открыть рот, как она обделывается» (№252).

Впрочем, если женщин «Филогелоса» не способны вывести из себя шуточки остряка или мрачность женоненавистника, то мужа с дурным запахом изо рта стерпеть им крайне тяжело. Жены этих героев остаются в рамках приличий, но все же не могут удержаться от того, чтобы ответить мужьям:

Ὅζόστομος συνεχῶς τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καταφιλῶν ἔλεγεν· Ἡ κυρία μου, ἢ Ἥρα μου, ἢ Ἀφροδίτη μου. κάκεῖνη ἀποστρεφόμενη ἔλεγεν· Ὅζεός μου, ὄζεός μου.

Человек с плохим запахом изо рта постоянно любезничал с женой: «О госпожа моя, Гера моя, Афродита моя!». Та же, отворачиваясь, отвечала: «О Зевс мой (Ὅζεός μου)!» (№ 234).

¹ Интересно, что сюжет анекдота, хоть и вызывает смех своей абсурдностью (муж не вправе продать свою жену – Plut. Rom. 22), вероятно, является отсылкой к римской правовой норме *commissa vectigalium nomine*, согласно которой незадекларированный товар может быть изъят у продавца [18, s. 59–61].

Эта шутка построена на непередаваемой игре слов: раздельное написание Ἰ Ζεύς μου означает «О Зевс мой», а слитное Ὀζεύς μου – «моя вонючка». При устном рассказе эти варианты неразличимы.

Ὀζόστομος τὴν γυναῖκα ἠρώτα λέγων· Κυρία, τί με μισεῖς; κάκεινή ἀπεκρίνατο λέγουσα· Ὅτι σύ με φιλεῖς.

Человек с плохим запахом изо рта спросил свою жену: «Госпожа, почему ты меня не любишь?». Та ответила: «Потому что ты меня любишь» (№236).

Ответ жены «ὅτι σύ με φιλεῖς» обозначает одновременно и «потому что ты меня любишь», и «потому что ты меня целуешь». На русский язык, увы, невозможно перевести эту реплику, сохранив и ее предельно конкретное значение (женщине не нравится целоваться с мужем, у которого пахнет изо рта), и афористичность (жена не любит мужа, потому что он ее любит).

Когда же супругов разлучает безжалостная смерть, вдовы «Филогелоса» скорбят по спутникам жизни. А вот о вдовцах сложно сказать то же самое...

Σχολαστικὸς νοσοῦντα φίλον ἀπῆλθεν ἐπισκέψασθαι. τῆς γυναίκος δ' αὐτοῦ εἰπούσης, ὅτι ἐκεῖνος ἤδη ἔξω ἔστιν· Ἐάν οὖν ἐπανέλθῃ, φησίν, ἐρεῖς παραγεγενῆσθαι με.

Педант пришел навестить больного друга. Вышла заплаканная жена и сказала: «Его уже нет!». Педант сказал: «Когда вернется, передай, что я заходил» (№70, пер. М. Л. Гаспарова).

Σχολαστικὸς <τῆς> γυναίκος αὐτοῦ ἀποθανούσης σορὸν ἠγόραζε καὶ περὶ τῆς τιμῆς ἐζυγομάχει. τοῦ δὲ πωλοῦντος ὁμόσαντος μὴ ἔλαττον πέντε μυριάδων πωλήσειν, ὁ δὲ Ἐπειδὴ, ἔφη, προσεῖληψαι τῷ ὄρκῳ, λάβε μὲν τὰς πέντε μυριάδας, εἰς προσθήκην δέ μοι μικρὸν σορίδιον δός, ἵνα, εἴαν μου χρεῖα παιδίῳ γένηται, ἔτοιμον ἦ.

Схоластик, чья жена умерла, покупал гроб и спорил о цене. Продавцу, поклявшемуся, что не продаст меньше, чем за пять тысяч (драхм), сказал: «Раз уж принес клятву, возьми пять тысяч, а в придачу дай мне маленький гроб, чтоб он, когда подойдет моему ребенку, был готов!» (№ 97).

Μισογύναιος, τῆς γυναίκος αὐτοῦ ἀποθανούσης, ἐπὶ τῷ θάψαι ἐκήδευε. τινὸς δὲ ἐρωτήσαντος· Τίς ἀνεπαύσατο; ἔφη· Ἐγὼ ὁ ταύτης στερηθεῖς.

Потерявший супругу женоненавистник хоронил ее. Его спросили: «Кто обрел покой?». Тот ответил: «Я, потерявший эту женщину» (№ 249).

Μεθύσῳ ἐν καπηλείῳ πίνοντι ἐπιστάς τις ἔφη· Ἡ γυνή σου ἀπέθανεν. ὁ δὲ ἀκούσας πρὸς τὸν κάπηλον ἔφη· Οὐκοῦν, αὐθέντα, ἐκ τοῦ μελανοῦ κέρασον.

К пьянице (другой вариант – к схоластику), выпивающему в трактире, подошел некто и сказал: «Твоя жена скончалась». Тот, услышав, обратился к трактирщику: «Стало быть, хозяин, смешай черного вина» (№ 229).

Жизнь греческого мужчины, как известно, украшали не только законные жены, но и свободные женщины. Некоторые из них были действительно свободны и сами выбирали себе друзей, способных отблагодарить подарками за благосклонность. Такие «подруги», при успешном стечении обстоятельств, могли стать законными женами своих возлюбленных (по крайней мере, счастливый финал комедий Менандра это допускал). Другие женщины трудились в публичных домах и не могли распоряжаться своей выручкой самостоятельно, зачастую они были рабынями. Безусловно, это очень упрощенная картина того многообразия гетер,

порни, арфисток, танцовщиц и просто дам полусвета, которое знала античность [подробнее см.: 5; 6]. Но именно в таком упрощенном виде мы встречаем в «Филогелосе» картину отношений, свободных от супружеских уз. Заметим, что женщины в этих шутках снова ведут себя нормативно. Смех вызывает либо ситуация (но не сам факт внебрачных отношений), либо поведение мужчин.

Πεπανόπτωχος εἰωθῶς τὴν φίλην αὐτοῦ ἐξαπατᾶν ὡς εὐγενῆς ὧν καὶ πλοῦσιος, εἰς τοὺς γείτονας σιτεῦόμενος ὡς εἶδεν ἄφνω τὴν φίλην, στραφεὶς ἐφώνει· Πέμψον δέ μοι καὶ τὸ φιβλατόριον.

Бедный хвастун имел обычай врать своей подруге, что он благороден и богат. Обедая у соседей и случайно увидев подругу, он повернулся и крикнул: «Пошли мне плащ с золотыми застежками!» (№106).

Ἄλλος ὁμοίως μεγαλαυχούμενος, τελείως τε πενητεύων καὶ κατὰ τύχην νοσήσας, τῆς δὲ φίλης αὐτοῦ αἰφνίδιον ἐπεισελθούσης καὶ εὐρούσης αὐτὸν ἐπὶ ψιάθου κείμενον, εὐτραπεῖς ἤτιᾶτο τοὺς ἰατροὺς λέγων· Οἱ καλοὶ ἰατροὶ καὶ δόκμοι τῆς πόλεως ἐκέλευσάν με ψιαθιοθῆναι.

Другой подобный ему бахвал вконец нуждался и, по несчастью, заболел. Перед своей подругой, внезапно пришедшей и обнаружившей его лежащим на тростниковой циновке, он устыдился и сослался на врачей, говоря: «Лучшие и испытаннейшие врачи города велели мне лежать на циновке!» (№107).

Εὐτράπελος ἰδὼν πορνοβοσκὸν μισθοῦντα μέλαιναν ἑταιρίδα εἶπε· Πόσον τὴν νύκτα μισθοίς;

Остряк увидел, как хозяин публичного дома¹ выдает жалование черной гетере и спросил: «Сколько стоит ночь?» (№151).

Наконец, наиболее безответны в «Филогелосе», как и в реальности, женщины-рабыни. Они никогда ничего не говорят в текстах шуток, все действия производятся не ими, а над ними. Разумеется, они не распоряжаются ни своей жизнью, ни жизнью своих детей.

Σχολαστικῶ ἐκ δούλης τεκνώσαντι ὁ πατὴρ συνεβούλευε τὸ παιδίον ἀποκτεῖναι. ὁ δὲ Πρῶτον, ἔφη, σὸ τὰ τέκνα σου κατόρυζον, καὶ οὕτως ἐμοὶ συμβούλευε τὸν ἐμὸν ἀνελεῖν.

У педанта родился ребенок от рабыни. Отец посоветовал убить его². Педант сказал: «Сперва своих детей похорони, а потом советуй мне моих убивать» (№ 57, пер. М. Л. Гаспарова).

Σχολαστικὸς δανειστής ναυκλήρω χρεώστη ἐνετέλλετο σορὸν αὐτῶ κομίσει καὶ δύο παιδικὰς τοῖς ὀκταέτεσι παιδίοις αὐτοῦ, δίκαιον μέτρον ὡς εἰς αὐξήσιν.

Схоластик-заимодавец велел своему должнику-судовладельцу привезти гроб для себя и двух девочек для его восьмилетних сыновей, чтобы товары были подходящего размера и на вырост (№ 50).

Но известны авторам «Филогелоса» и женщины выдающиеся – увы, только в негативном смысле. Неприятные черты женских характеров или их пороки – повод

¹ Хозяин публичного дома здесь назван словом *πορνοβοσκός* – буквально «пастух блудниц». Слово использовалось как в античных, так и в византийских источниках [10, с. 71].

² Родившийся у рабыни ребенок был собственностью ее владельца. Очень удачно замечание А. Гарвацкой: раз глава семейства, отец схоластика, мог только посоветовать сыну убить младенца, значит, рабыня рассматривалась не как собственность *pater familias*, а как личная собственность схоластика [18, с. 77–78].

посмеяться. В таких случаях женщине тоже вовсе не обязательно быть действующим лицом анекдота. И смеются тоже не столько над ней, а, скорее, над реакцией главного героя. Однако ситуацию создают именно женщины, пусть и оставаясь «обстановкой».

Какие женские пороки создают комическую ситуацию?

Во-первых, неуживчивый скверный характер:

Μισογύναιος γυναικα ἔχων γλωσσώδη καὶ λοιδόρον, τελευτησάσης δὲ αὐτῆς, ἐπὶ θυρεοῦ ἐξέφερε. τινὸς δὲ ἰδόντος καὶ τὴν αἰτίαν ἐρωτήσαντος ἀπεκρίνατο· Μαχίμη γὰρ ἦν.

У женоненавистника была болтливая и сварливая жена. Когда она умерла, муж вынес ее на щите. Тому, кто видя это, спросил о причине, женоненавистник ответил: «Она была воином» (№ 251).

Забавной оказывается и излишняя женская инициатива в любовных делах. Похотливая женщина – это смешно, заявляют авторы «Филогелоса». Даже если это молодая жена молодого человека (в чьем положении такое поведение естественно, однако неприлично), комический эффект сохраняется. Что уж говорить о похотливых старухах (вспомним сцену в «Женщинах в народном собрании» Аристофана, где старухи делят молоденького любовника – Ekkles. 877–1111):

Νεανίσκος πρὸς τὴν γυναικα οὕσαν ἀσελγῆ εἶπε· Κυρία, τί ποιοῦμεν; ἀριστοῦμεν ἢ ἀφροδισιάζομεν; κάκεινη πρὸς αὐτὸν ἔφη· Ὡς θέλεις· ψωμὶν οὐκ ἔστιν.

Юноша спросил у своей похотливой жены: «Госпожа, чем нам заняться: позавтракать или заняться любовью¹?». Та же ответила ему: «Как пожелаешь, но у нас нет ни кусочка» (№246).

Νεανίσκος τραγωδὸς ἠγαπήθη ὑπὸ γυναικῶν δύο, ὄζοστόμου καὶ ὄζοχρώτου. καὶ τῆς μιᾶς λεγούσης· Δός μοι, κῦρι, φιλήματα – τῆς δὲ ἄλλης· Δός μοι, κῦρι, περιπλοκάς – ἐκεῖνος ἀνεβόησεν· Οἴμοι, τί δράσω; δυοὶ κακοῖς μερίζομαι.

Юношу-трагика любили две женщины, одна – с дурным запахом изо рта, другая – с дурным запахом тела. Одна сказала: «Господин, поцелуй меня!». Другая же: «Господин, обними меня!». Юноша вскричал: «Горе мне, что делать? Разрываюсь меж двух зол!» (№241).

Νεανίσκος γραιῖας δύο καπριώσας ἐκάλεσε, πρὸς δὲ τοὺς οἰκείους διακόνοὺς ἔφη· Τὴν μίαν κεράσατε, τὴν δὲ θέλουσαν ἀφροδισιάσατε. αἱ δὲ ὑφ' ἐν εἶπον· Ἡμεῖς οὐ διψῶμεν.

Юноша пригласил двух похотливых² старух и сказал своим домашним слугам: «Смешайте для одной вино, а с той, что захочет, займитесь любовью³». Обе заявили: «Мы не хотим пить!» (№ 247).

Наконец, смешную ситуацию способно создать неприглядное поведение супруг-изменщиц.

Εὐτράπελος κάπηλος εἰρῶν ταξεώτην ἐπὶ τῇ γυναικὶ αὐτοῦ εἶπεν· Εὐρον, ὃ οὐκ ἐζήτουν.

¹ Буквально – ἀφροδισιάζομεν. Глагол является деноминативом от имени богини любви *Αφροδίτη*, что позволило Ч. К. Баббу в английском переводе использовать изящный оборот «devote ourselves to the rites of Aphrodite» [12, s. 94].

² Примечательно, что использовано слово *καπριώσα*, происходящее от *καπρία*, связанного с половыми органами свиньи. Такая лексика характерна и для комедий Аристофана [7, с. 122].

³ Здесь тот же глагол, что и в №246 – ἀφροδισιάσατε.

Остроумный лавочник, обнаружив таксеота¹ на своей жене, сказал: «Нашел, что не искал» (№ 145).

Οἰκοδέσποινα μωρὸν οἰκέτην ἔχουσα ἐμφατῆ καὶ ἰδοῦσα αὐτὸν ἀδροκέφαλον, ἐπιθυμήσασα αὐτοῦ, φιδάριον εἰς τὸ πρόσωπον βαλοῦσα, ἵνα μὴ ἐπιγνώσθῃ, συνέπαιζεν αὐτῷ. ὁ δὲ ἐν τῷ παίξειν συνεισῆλθεν αὐτῇ. καὶ τῷ δεσπότη συνήθως προσγελῶν εἶπε· κύρι, κύρι, τὸν ὄρχηστήν ἐβίγησα, καὶ ἡ κορὰ ἦν ἔσωθεν.

У хозяйки был слабоумный раб. Увидев его мужское достоинство, хозяйка возжелала раба. Закрыв лицо маской, чтоб не быть узнанной, она стала с ним заигрывать. Раб ответил на заигрывания. После, как всегда посмеиваясь, он заявил хозяину: «Господин, господин, я поимел² танцовщицу, а хозяйка была внутри³!» (№ 253).

Εὐτράπελόν τις ἐλοιδόρει, ὅτι Σοῦ τὴν γυναῖκα δωρεὰν ἔσχον. ὁ δὲ εἶπεν Ἐμοί μὲν ἀνάγκη τοσοῦτου κακοῦ ἀνέχεσθαι· σοὶ δὲ τίς ἀνάγκη;

Некто бранил остряка: «Я задаром поимел твою жену!». Тот же ответил: «Я-то вынужден спать с этим злом, а тебя какая нужда заставила?» (№ 265).

Мы видим, что «Филогелос» оказывается не особенно придирчив к женщинам. Смешны лишь женщины чрезмерно болтливые, бранящиеся; смешны излишне любвеобильные; смешны изменяющие мужьям. Но, в целом, в этих шутках совсем немного насмешек над женскими привычками и пороками. Мы не встречаем в сборнике ни женского пьянства (в отличие от пьянства мужского), ни обмана, ни страсти к украшениям и нарядам – всего того, что в избытке есть у авторов предыдущих эпох.

Слишком смело было бы делать вывод о влиянии некоторого смягчения отношения к женщине в позднеантичное и ранневизантийское время – «Филогелос» не представляется источником, надежно репрезентирующим отношение общества к различным проблемам (да и шутки, вошедшие в сборник, явно разновременные). Однако картина женского мира, которую видит читатель «Филогелоса», в каком-то смысле показательна: женщины не особенно часто бывают яркими и харизматичными, они спокойно живут в установленных для них рамках, однако и большого зла сами по себе не представляют.

Список использованных источников и литературы

1. Гарин С. В. ТО ПЕОС: Фигурный лист поверх Аристофана. Общественная лексика в Классической Греции // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2014. – № 4 (6). – [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/figovyuy-list-poverh-aristofana-obstsennaya-leksika-v-klassicheskoy-gretsii>

¹ *Ταξεώτης* – служитель при наместнике провинции, известный по византийским текстам [11, с. 63].

² Здесь использован глагол *βινέω* – крайне грубое слово, характерное и для комедий Аристофана (напр., *Aristoph. Ran.* 740). О лексике Аристофана [см. напр.: 1; 9].

³ В работе А. Тарвацкой рассмотрены правовые аспекты случаев, описанных в шутках «Филогелоса», если бы они происходили в правовом поле Римской империи с конца I в. до н.э. по IV в. н.э. Что касается анекдота о слабоумном рабе и хозяйке, согласно указу Константина I Великого от 326 г., этот адюльтер мог иметь тяжкие правовые последствия – смертную казнь для госпожи и сожжение заживо для раба. Впрочем, римское право учитывало недееспособность раба, вызванную его слабоумием [18, с. 66–68].

- Garin S. V. TO ΠΕΟΣ: Figovy list poverkh Aristofana. Obstsennaya leksika v Klassicheskoi Gretsii // *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*. – 2014. – № 4 (6). – [Elektronnyi resurs] <https://cyberleninka.ru/article/n/figovyy-list-poverh-aristofana-obstsennaya-leksika-v-klassicheskoy-gretsii>
2. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 384 с.
- Gasparov M. L. *Zanimatel'naya Gretsija: Rasskazy o drevnegrecheskoj kul'ture*. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. – 384 s.
3. Греческая эпиграмма // Подг. Н. А. Чистякова. – СПб.: Наука, 1993. – 448 с.
- Grecheskaja epigramma // Podg. N. A. Chistyakova. – SPb.: Nauka, 1993. – 448 s.
4. История греческой литературы / Под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, С. Г. Гринберга и др. – М.–Л., 1946. – Т. I. – 487 с.
- Istoriya grecheskoj literatury / Pod red. S. I. Sobolevskogo, B. V. Gornunga, S. G. Grinberga i dr. – M.–L., 1946. – T. I. – 487 s.
5. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / Пер. с англ. В. В. Федорина. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 400 с.
- Likht G. *Seksual'naya zhizn' v Drevnei Gretsii* / Per. s angl. V. V. Fedorina. – M.: KRON-PRESS, 1995. – 400 s.
6. Молева Н. В. Гетеры на Боспоре // *Боспорские исследования*. – 2018. – Вып. XXXVI. – С. 87–99.
- Moleva N. V. *Getery na Bospore* // *Bosporskie issledovaniya*. – 2018. – Vyp. XXXVI. – S. 87–99.
7. Обидина Ю. С. Женские образы в комедиях Аристофана: источниковедческая перспектива и воображаемый реализм // *«Запад-Восток»: Научно-практический ежегодник*. – 2014. – С. 119–125.
- Obidina Yu. S. *Zhenskie obrazy v komediyakh Aristofana: istochnikovedcheskaya perspektiva i voobrazhaemyi realizm* // *«Zapad-Vostok»: Nauchno-prakticheskii ezhegodnik*. – 2014. – S. 119–125.
8. Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V века / Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. – М.: Наука, 1964. – 360 с.
- Pamyatniki pozdnei antichnoj poezii i prozy II – V veka / Pod red. M. E. Grabar'-Passek. – M.: Nauka, 1964. – 360 s.
9. Славятинская М. Н. Текст и «затекст» (дискурсивные заметки о языке комедий Аристофана) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. – 2014. – № 18. – С. 868–880.
- Slavyatinskaya M. N. *Tekst i «zatekst» (diskursivnye zametki o yazyke komedii Aristofana)* // *Indoevropayskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. – 2014. – № 18. – S. 868–880.
10. Сорочан С. Б. Порни. О профессиональной проституции в Византии IV – IX вв. как сфере рынка торговли и услуг // *Древности*. 2012. С. 69–75.
- Sorochan S. B. *Porni. O professional'noi prostitutsii v Vizantii IV – IX vv. kak sfere rynka trgovli i uslug* // *Drevnosti*. 2012. S. 69–75.
11. Фомина М. С. Повесть о войне-таксоте в составе списков Златоустрия XIV – XVI в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2017. – №2. – С. 60–68.
- Fomina M. S. *Povest' o voine-taksiote v sostave spiskov Zlatostruya XIV – XVI v.* // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. – 2017. – №2. – S. 60–68.
12. Bubb Ch. C. *The Jests of Hierocles and Philagrius*. – Cleveland: The Rowfant Club, 1920. – 110 p.
13. Crompton D. A. *Funny Thing Happened on the Way to the Forum: The World's Oldest Joke Book*. – London: Michael O'Mara Books Ltd., 2010. – 160 p.
14. Dawe R. D. *Philogelos*. Leipzig: Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana, 2000. – 115 p.
15. Hierocles e Filágrio. *Philogelos (O Gracejador)* / Trad. R. M. T. Pereira. – Coimbra: Imprensa da Universidade de Coimbra, 2013. – 98 p.
16. Rapp A. *The ancient Greeks & Joe Miller* // *Anecdota Scowah*. – 1958. – №3. – P. 13–30.
17. Reich H. *Der Mimvs: Ein Litterar-Entwickelungsgeschichtlicher Versuch*. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1903. – 900 p.
18. Tarwacka A. *European Legal Culture Through the Prism of Jokes The Example of Philogelos*. – Wrocław: Pracownia Artystyczna Gałczyński Sp. z o.o., 2018. – 226 s.
19. Φιλόγελος ἐκ τοῦ Ἱεροκλεοῦς καὶ Φιλαγρίου Γραμματικοῦ / Μετ. Μ. Ἀρβανίτη. – Ἀθήνα: Ἐξάντας, 1999. – 120 σ.

J. T. Leybenson «The Laughter Lover» and the women's question: jokes about women and with the participation of women in the «Φιλόγελως» collection.

This article considers jokes from the «Φιλόγελως» collection of jokes of the II-IV centuries AD, which somehow concern female characters. Some of the jokes analyzed by the author are not directly jokes about women and their habits. On the contrary, they show normative female behavior against the background of extravagant antics of the main characters of anecdotes - scholastic, witty fellow, drunk, misogynist. However, a few jokes in the «Φιλόγελως» collection are directly ridicule female vices. These vices are grumbling and violent disposition, lust and marital infidelity. It is stated that, in general, this list of female vices is much shorter than those female qualities that were ridiculed by Old and Middle Athenian comedy. A number of antique anecdotes of the «Φιλόγελως» collection are published in translation into Russian for the first time.

Keywords: humour in Antiquity, women in Antiquity, the «Φιλόγελως» collection.